

ДЕОНТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ ЗАПРЕТА В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

М.А. Кулькова

Согласно нашим представлениям, коммуникативно-прагматический фрейм, являясь одной из разновидностей концепта, формируется в виде комплексной многоуровневой структуры коммуникативного сознания, организующейся в соответствии с действующими в конкретном лингвокультурном обществе правилами речевого общения, нормами этикета и соответствующими ограничениями в сфере вербального и невербального поведения. При этом коммуникативное сознание отдельного представителя лингвокультурного общества «входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа» [1, 49].

Анализируя народные приметы (НП) с точки зрения семантики запрета, необходимо отметить, что их прогностическая сущность накладывает существенный отпечаток на особенностях функционирования исследуемых паремиологических текстов в речи. Это закономерным образом находит проявление в векторной направленности выражаемых иллокуций в будущее, регулируя действие, которое не совершается в момент речи¹. Отнесенность текстов НП к плану будущего является одной из характерных особенностей функционально-семантического структурирования паремий данного типа.

С точки зрения тектонической структуры запрещающие речевые акты (РА) можно подразделить на моно- и полиинтенциональные предложения, последние в свою очередь могут быть оформлены в виде аргументированных и неаргументированных высказываний. Наличие / отсутствие аргументов, объясняющих необходимость отказа от совершения конкретного действия, является в определенном смысле «индикатором» степени категоричности запрета.

Как показывает анализ практического материала, в качестве запретов могут выступать различные конструкции, эксплицитная форма которых детерминирована высокой / низкой степенью иллокутивной силы высказывания.

Наиболее высокую частотность употребления в русских текстах НП демонстрируют конструкции с использованием индикативной формы глагола в 3 л. мн. ч. и отрицания *не*: «На Вознесенье в поле *не работают*», «На Ильин день скота *не выгоняют* в поле», «На Казанскую добрые люди вдаль (в отъезд) *не ездят*», «В Рождественский сочельник *не кормят* кур, чтобы огородов не копали», «От Троицы до Успения хороводов *не водят*» и т.д.

Указанные конструкции не всегда содержат аргументационную часть, что объясняется сниженной степенью категоричности данных высказываний, не требующей их дополнительного «смягчения» в условиях соблюдения принципа вежливости в речевом общении. Сложные, или полиинтенциональные, прохибитивные конструкции оформляются в виде сложноподчиненных предложений с придаточными цели, следствия и могут маркироваться союзами *чтоб(ы)*, *а то*: «Капусты в четверг не сажают, *чтоб* черви не поточили», «В

¹ Разграничение высказываний со значением запрета производилось на основе существующей классификации А.П. Володина и В.С. Храковского (см. [2, 147-148]). См. также [3, 35].

Рождественский сочельник *не кормят* кур, чтобы огорода не копали», «О Святках гнутой работы не работают (обручей, полозьев и пр.), а то приплода скота не будет», «На Марию Магдалину в поле не работают – гроза убьет».

В качестве менее частотных средств экспликации иллокутивной силы запрета в русских текстах НП выступают конструкции «запрещается + инфинитив», «не должно + инфинитив»: «На Благовещенье *запрещается подметать* в доме и особенно *выбрасывать* мусор на огород или в поле: от этого разводятся сорняки», «В сырую погоду и в дождь *не должно сеять* ржи; как обмочило оглобли, так и поезжай домой».

В паремиологических текстах также возможно использование субстантивно-инфинитивных и адвербативно-инфинитивных конструкций, в которых «стержневой компонент» семантической структуры запрещающего высказывания эксплицируется благодаря лексемам «грех», «грешно», выражающим «морально-этическую квалификацию действия» [4, 66]: «На Симона Зилота земля именинница: *грех пахать*», «В эту ночь (ночь под Вознесенье) *ловить соловьев большой грех* – кто поймает, тому во весь год ни в чем спорины (удачи) не будет», «Под Рождество *ткать грешно*; несчастье угодит в праздник». По мнению В.В. Виноградова, «эти сочетания слов из категории состояния с формой инфинитива выражают модальные значения, близкие к тем, которые встречаются у чисто глагольных словосочетаний» [4, 66].

Более категоричными по степени иллокутивной силы высказывания выступают запрещающие конструкции, содержащие императивные формы глагола, построенные по модели «не + императив 2 л. ед.ч.»: «Гороха при северном ветре *не сей*, сей при южном», «На Федоры *не мети* из избы сора», «До Николы *не сей* гречки, не стриги овечки», «*Не сей* хлеб, когда днем виден месяц».

Наибольшей степенью категоричности обладают РА со значением запрета, репрезентированные в текстах НП сочетаниями *не / нельзя* и инфинитивной формы глагола: «Навозу *не запахивать* в новолуние, а в последнюю четверть», «В светлый праздник огня в домах *не разводите* – будет головня в пшенице, или: не гасить с вечера», «Когда рожь цветет, *нельзя холстов белить*».

Согласно Е.А. Крашениниковой, в немецком языке инфинитив играет гораздо меньшую роль, чем в русском, «вместо него развилась система характерных для немецкого языка модальных глаголов, одночленных предложений, причастий и т.д.» [5, 460]. Так, в немецких приметах эквивалентами запрещающих конструкций «не + инфинитив», «нельзя + инфинитив» выступают сочетания «*Imperativ + kein + N₄*», «*man + Modalverb + (kein + N₄) / nicht + Infinitiv*»: «*Treibe keinen Handel bei einer Mondfinsternis, sonst suchen dich Unglück und Misserfolg heim*» – ‘Не занимайся торговлей во время лунного затмения, иначе тебя постигнут несчастье и неудача’, «*Gewürz- und Heilkräuter soll man nicht bei nassem Wetter pflücken, vor allem dann nicht, wenn man sie nicht sofort verbraucht*» – ‘Нельзя собирать пряную зелень и лекарственные травы во влажную погоду, в особенности, если они не будут сразу же употреблены’, «*Man muss nicht Fische essen in Monden ohne dem „R“*» – ‘Нельзя есть рыбу в месяцы, название которых не содержит букву «R» (т.е. разрешается есть рыбу в мае, июне, июле, августе – [Прим. автора – М.К.]’, «*Zwischen Weihnachten und dem*

6. Januar *darf man keine Wäsche waschen und sie schon gar nicht* nachts im Freien *aufhängen*, denn sonst fährt sie die wilde Jagd hinein» – ‘В период святок (с 24 декабря по 6 января) нельзя стирать белье и тем более развешивать его на улице, так как в противном случае туда может угодить охотник’, «Vor Johannistag *keine Gerste man loben mag*» – ‘До дня св. Ивана нельзя хвастаться урожаем ячменя’.

Приведенные выше примеры ярко демонстрирует широко развитую систему модальных глаголов в немецком языке (*sollen, müssen, dürfen, mögen* и т.д.), активно используемых в обобщенно-личных конструкциях с неопределенным местоимением *man*.

В нередких случаях тексты НП помимо модального квалификатора *нельзя* содержат интенсификаторы, квалифицирующие запрещающие высказывания как наиболее категоричные. Речь идет об экспликаторах *никому, ничего, ни в коем случае, ни под каким видом* и т.д., акцентирующих внимание на недопустимости совершения действия вне зависимости от складывающихся обстоятельств, повышая тем самым «процент вероятности» соблюдения данного запрета: «Когда овца оягнится, *нельзя никому ничего* из дому давать», «При высаживании капустной рассады *ни в коем случае* нельзя смеяться, потому что капустные листья станут морщинистыми и не будут гладкими», «Телят *ни под каким видом* нельзя бить лучиной, отщепленной от полена; бить теленка можно палкой, веревкой и т.п., но не лучиной: теленок будет от этого худеть и в рост не пойдет».

Аналогичные интенсификаторы запрета встречаются в немецких паремиологических текстах: «In den zwölf Nächten sollten Sie *auf keinen Fall* kochen» – ‘В святки ни в коем случае нельзя готовить пищу’, «Geburtstage sollte man *keinesfalls* im Vorhinein feiern» – ‘Ни в коем случае нельзя праздновать дни рождения заранее’, «Einem Sterbenden sollte man *niemals* ein Kissen geben, das mit Hühnerfedern gefüllt ist. Er kann sonst nicht im Frieden sterben» – ‘Никогда нельзя давать умирающему перьевую подушку, иначе он не сможет уйти с миром’.

Паремиологические конструкции с инфинитивной либо императивной формой выражения семантики запрета как наиболее «сильные» высказывания по степени иллокутивной силы и оказываемому воздействию на реципиента представлены, как правило, аргументированными полиинтенциональными РА, содержащими союзные скрепы *потому что / denn; так как, ибо / da, weil; чтоб(ы) / um zu; а то, не то, иначе / sonst*, выражающими причинные, целевые и противительно-условные отношения. Например, в русском языке: «Нельзя спать во время Пасхальной всенощной, *потому что* Бог не даст доли: будет нанесен ущерб хозяйству, скоту, урожаю, полягут хлеба, лен, все посева, травы на покосах», «В день посева гороха нельзя его есть, *так как* он будет от того червив», «Из дому воску выносить не должно, *ибо* это приносит убыль пчеловодству», «На Акулину не работать, *чтоб* гречи хороши были», «На Фрола и Лавра не работать, *а то* падеж будет», «С пасеки маток и пчел давать нельзя, *иначе* рой не будет садиться, улетит с пасеки» и т.д.

В немецком языке: «Man darf die Spiegel nicht verschenken, *denn* das bringt Streit» – ‘Нельзя дарить зеркала, так как это приводит к ссоре’, «Hopfen darf nicht geschnitten werden, während der Mond im Tierkreiszeichen Krebs steht, *sonst* wächst er

nicht weiter» – ‘Нельзя срезать хмель в то время, как луна находится в знаке рака, иначе хмель больше не уродится’ и т.д.

Анализ полиинтенциональных РА, репрезентирующих фрейм «запрет», показал, что первая часть указанных аргументационных текстов выражает запрет косвенным образом, либо напрямую, а вторая, аргументирующая, часть эксплицирует гипотетическую ситуацию неблагоприятного исхода в случае несоблюдения данного «жизненного правила».

Сценарий убеждения в рамках активизации коммуникативно-прагматического фрейма «запрещение» при условии отсутствия коммуникативных неудач можно представить в общем виде следующим образом:

1. А убежден в том, что для В определенное действие С нежелательно.
2. А не хочет, чтобы В совершил С.
3. А сообщает В: «Не делай С, а то D».
4. В принимает сообщение А и осмысливает его, «примеряя» к индивидуальной ситуации.
5. В не совершает С.

Как показал анализ практического материала, ситуации запрета наряду со множеством других частных прагматических значений побудительной модальности, актуализирующихся в ткани текстов НП, характеризуются антропоцентрической направленностью и носят бенефактивный характер. Средства выражения запрета охватывают все уровни языка, находя отражение как в лексических, так и в грамматических способах оформления семантики запрета, преломляясь под определенным углом «прагматического видения» той или иной речевой ситуации Говорящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
2. Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
3. Бирюлин Л.А. Повелительные предложения: проблемы теории / Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский // Типология императивных конструкций. – СПб.: Наука, СПб-ское отделение, 1992а. – С. 5-50.
4. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
5. Крашениникова Е.А. Побудительная модальность в немецком языке / Е.А. Крашениникова // Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1953. – Т. XII, вып. 5. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 457-469.